

Управившись со свиньями, Дин Тянь заглянул на задний двор — проверить запасы дров.

В здешних краях сухая ботва и солома, оставшиеся после жатвы на собственных полях, служили крестьянам подспорьем в растопке. Горели они быстро, так что годились разве что на затравку огня. Благо под рукой всегда имелись жесткие стебли подсолнечника. В этих краях их величали «пеньковыми прутьями» — шершавые, круглые, покрытые колючими волосками стебли подсолнуха и впрямь напоминали жесткую коноплю.

После сбора семечек высохший подсолнух вырывали с корнем и пускали на дрова. Горел он на удивление жарко и долго. Кроме него крестьяне запасали сушняк и колотые поленья. Все это составляло основу деревенских запасов топлива.

На заднем дворе у Дин Тяня высились две аккуратные копны хвороста, огромный ворох сухих стеблей подсолнуха, гора лесного валежника и небольшая стопка колотых березовых поленьев. Этого тепла с лихвой хватило бы до первых весенних ручьев. В стороне лежали кряжистые корневища — их еще только предстояло расколоть колуном.

Война истощила край: любые прямые стволы подчистую вырубili на нужды армии. Казенные уездные чины строго-настрого приказали крестьянам высаживать новые рощи, а за рубку деревьев моложе двадцати лет грозили суровым наказанием. К счастью, до старых корней и пней господским людям дела не было. Крестьяне выкорчевывали их из земли, сушили под солнцем да кололи — в печи они пылали ничуть не хуже строевого леса.

А за сухие сучья и подавно никто не спрашивал. По перелескам и косогорам валежника лежало столько, что собирай не хочу.

Что же до сочных стеблей сорго, то их забирали еще зелеными сразу после осенней жатвы. Уездное начальство увозило урожай подчистую, чтобы квасить силос для казенных табунов. Существовал даже указ: каждый крестьянский двор обязан засеять под сорго не менее двух му — именно ради этих стеблей.

Дин Тянь вернулся в дом и удивленно замер: в комнатах царил образцовый порядок, они вымели каждый уголок. На постели ждал чистый, наглаженный наряд, а вторая тетушка, госпожа Дин Ян, уже вытирала вымытые руки полотенцем.

— Мы с Гуйхуа тут управились, — заговорила она. — К вечеру ждем тебя на ужин. Сегодня этот несносный петушок совсем житья не давал, под ногами путался, так твой второй дядя не выдержал и пустил его под топор. Пойду сухие грибы замочу, как раз к твоему приходу цыпленка потушу.

— Хорошо, тетушка, обязательно приду, — кивнул Дин Тянь. — А сейчас мне еще нужно заглянуть к деревенскому старосте.

Он прекрасно понимал, что второй дядя просто пожалел его и решил побаловать наваристым бульоном после болезни, да только упрямый старик ни за что не признался бы в своей заботе. Вот и выдумал нелепую отговорку про петуха-задиру. До чего же скрытный характер!

Госпожа Дин Ян окинула его строгим взглядом:

— Только не вздумай идти с пустыми руками. Помнишь, я приносила тебе яйца? Сложи десяток в корзинку и отнеси деревенскому старосте.

На дворе стояло самое начало весны, нестись начали лишь несколько самых ранних несушек. В эту пору свежие яйца ценились на вес золота, так что десяток — подарок весомый и почетный.

— Договорились.

Проводив тетушку с сестрой за порог, Дин Тянь поспешил переодеться в приличный, чистый наряд. Он бережно уложил десять яиц на дно плетёной корзинки, немного подумал и достал из кухонного ларя небольшой сверток с колотым сахаром.

Это были обыкновенные леденцы — копеечное лакомство его прошлой жизни, которое покупали разве что ради мимолетной ностальгии по детству. Здесь же крошечный кулек сладких шариков стоил немалых денег. Сахар в этих краях оставался роскошью, доступной далеко не каждому крестьянину. Корзинка с десятком яиц и сладкими леденцами по здешним меркам считалась поистине щедрым подношением, выражающим глубочайшее почтение.

Еще на Новый год Дин Тянь преподнес деревенскому старосте двух петушков, добрый шмат копченого сала и два короба медовых пряников. Для заброженной деревни такой дар казался царским, но у Дин Тяня не было выбора — он остался круглой сиротой, и хорошая связь с деревенским старостой была жизненно необходима. Тогда его дяди сложились и купили точно такие же подарки, чтобы показать деревенскому старосте: сирота Дин Тянь не брошен на произвол судьбы, за его спиной стоят две крепкие семьи, готовые заступиться за парня в любую минуту.

По дороге к дому деревенского старосты Дин Тянь напряженно размышлял. Главной целью его визита было решить вопрос с землей. Свои пашни больше нельзя было оставлять на попечение дядьям. У них и собственной работы хватало по горло, а сам он теперь получал казенное жалованье и не зависел от урожая.

«В деревне есть несколько бедных семей, едва сводящих концы с концами, — раздумывал он. — Почему бы не отдать землю им в аренду? Но сколько взять за аренду? Мои угоды освобождены от налогов, так что плата не должна быть грабительской. Надо все хорошенько взвесить».

Прежний Дин Тянь в хозяйственных делах ничего не смыслил — всем заправлял покойный отец. Сам же юноша целыми днями читал древние трактаты да выводил иероглифы. Как-никак, эта плоть принадлежала человеку грамотному, пускай и не успевшему сдать экзамены на

ученую степень.

<http://bllate.org/book/19387/1943295>